

(Олисава). Это имя не упоминается в сборнике вообще, в то время как адресатом нескольких молитв подряд является «Елена, мать императора Константина», чей памятный день отмечен в календаре католического молитвенника согласно числу ее православного праздника (21 мая). Владелица «Кодекса Гертруды» называет себя «рабой» св. Елены. Православное имя Гертруды, видимо, было Елена. Гертруда и Олисава, следовательно, разные лица. Назаренко предполагает, что Олисава (Елисавета), мать Святополка Изяславича, была одной из наложниц князя Изяслава. (Назаренко А.В. «Unicus filius meus»: происхождение Святополка Изяславича и проблема близкородственных династических браков как инструмент генеалогического исследования // Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 566–570). Предположение о том, что дети Изяслава Ярославича произошли от двух браков, первым выдвинул А.А. Бобринский (Бобринский А. Киевские миниатюры XI в. и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтири Екберта, архиепископа трирского. СПб., 1902. С. 17). Однако это не уменьшало его шансы занять княжеский стол, так как на Руси были еще сильны устои обычного права. Булла, приписываемая Яниным Гертруде, не могла принадлежать польской вдове Изяслава Ярославича. То, что у Гертруды не было другого сына, кроме Ярополка, подтверждается и текстом «Повести временных лет» (ПВЛ по Ипатьевскому списку. С. 242).

<sup>71</sup> Щавелева Н.И. Князь Ярополк Изяславич и христианская церковь XI в. // Восточная Европа в древности и средневековье (X Чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. Москва, 15–17 апреля 1998 г.) М., 1998. С. 134.

<sup>72</sup> Papadakis A., Meyendorff J. Op. cit. P. 154–155.

<sup>73</sup> Ibid. P. 134–137, 140–144.

<sup>74</sup> Annales Magdeburgenses // Monumenta Germaniae Historia. Scriptores. T. XVI. Hannover, 1859. P. 188.

<sup>75</sup> Papadakis A., Meyendorff J. Op. cit. P. 464.

<sup>76</sup> Ibid. P. 289–290.

© 2012 г. Э. Л. ДУБМАН \*

## РЫБОЛОВЕЦКИЕ ПРОМЫСЛЫ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Присоединение Среднего и Нижнего Поволжья оказало мощное системообразующее воздействие на последующее развитие Российского государства. Одним из важных следствий этого процесса стало появление у страны уникального промыслового рыболовецкого района, обеспечивающего своей продукцией потребности населения как новых, так и «старых» густонаселенных территорий Европейской России<sup>1</sup>. Развитие рыбных промыслов во второй половине XVI – XVII в. заложило основу для складывания в дальнейшем одного из наиболее крупных мировых центров добычи ценных сортов рыбы. «Все европейские морские рыболовства в сравнении с рыболовством Каспийского моря могут быть названы незначительными, – резюмировали сотрудники экспедиции академика К.М. Бэра, проработавшие в середине XIX в. большую работу по изучению рыбных ресурсов России. – Нигде в Европе лов рыбы, особенно красной, не производится в таких громадных размерах, не составляет столь важной отрасли государственного хозяйства, не приносит существенных выгод и правительству, и народонаселению государства, как рыболовство Каспийского моря и впадающих в него рек: Волги, Урала, Куры и других менее значительных»<sup>2</sup>.

С точки зрения развития промыслового рыболовства вся водная акватория Северного Каспия, Волги от впадения Камы, нижнего и среднего течения Камы, Урала (Яика)

---

\* Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета.

представляла собой совершенно уникальный по своим биологическим запасам регион. Условно для обозначения его промысловой акватории и прилегающего к ней побережья мы используем термин «Понизовое Поволжье»<sup>3</sup>. «Только от Казани или определительнее от впадения Камы Волга заслуживает славу богатой рыбою реки, — отмечалось в материалах экспедиции Бэра. — Богатство это возрастает медленно, начиная же от Царицына весьма быстро»<sup>4</sup>. Такого же мнения придерживались П.С. Паллас, И.И. Лепехин, С.Г. Гмелин и многие другие исследователи XVIII–XIX вв.<sup>5</sup> Почти замкнутая в единое целое, эта система морской и речных акваторий только с середины XVII в. начинает входить в ареал освоенного земледельческого пространства. Удаленность от основных районов страны, разреженность сети городских поселений, постоянная угроза нападений кочевников и казачьей вольницы определяли основные условия развития всего этого пространства на протяжении рассматриваемого периода.

Русское промысловое рыболовство получило развитие в этом регионе задолго до его присоединения к Москве. В «Казанском летописце» говорится о том, что казанский хан Шигалей (Шах-Али), в 1521 г. изгнанный из Казани, бежал вниз по Волге и между Самарской Лукой и Увеком встретил русских рыбаков, которые вместе с ним, опасаясь погони, ушли степью на запад, в сторону рязанских окраин. «И ведуща с собой боле 10 000 рыболовов русских, ловяще рыбу на Волге, под горами Девичьими и до Змиева камня и до Увека, за 1 000 верст от Казани, захавши бо тамо живяще лето все, на диких водах ловяща и в осень на Русь возвращахуся, на[ло]вящися и обогатившися, — повествует летопись. — И слышавше рыболове от царя весть пришедшу к ним про сечу в Казани, яко да бежат к нему оттууда не моглаци, да и они не избieni будут от казанцев, а сам дожидашеся их, стоя на месте некоем. От нужи ладья своя, и мрежа, и рыбы, и весь корм свой, и запас огню и воде предаша, и сами побегоша полем, не знаяще, куды же очи несут, токма на себе носяще рыбу едину»<sup>6</sup>. Следовательно, уже в первой половине XVI в. волжские воды от северного изголовья Самарской Луки и до основанного позднее Саратова являлись крупным промысловым районом. Он находился за пределами собственно Казанского ханства, «в диких водах», где на протяжении всего летне-осеннего сезона занимались рыболовством русские предприниматели. Данные о 10 тыс. человек явно преувеличены, но даже на порядок меньшее количество рыболовов достаточно велико. Одним из первых документов, свидетельствующих о государственной защите в середине XVI в. прав русских предпринимателей на промыслы в низовьях Волги, было послание Ивана IV Ямгурчею, в котором хану выговаривалось, что астраханские татары ограбили на Волге русских рыболовов<sup>7</sup>. Текст договора между Иваном IV и Дербыш-Алеем в 1554 г. содержал пункт о том, что русские рыбные ловцы получают право промысливать рыбу от Казани до моря «безданно и безъявочно» вместе с астраханскими ловцами<sup>8</sup>.

После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России русское предпринимательство в регионе вступает в новую стадию. Первоначально районы «регулярного» рыболовства с четко очерченными границами угодий формируются в водах, прилегающих к Казани (устье Камы, район Тетюшей и ниже) и Астрахани<sup>9</sup>. В отношении всей остальной акватории Волги вплоть до конца XVI в. правительство, передавая ее участки в пользование отдельным предпринимателям, ограничивалось расплывчатыми формулировками вроде: «ловить рыбу... в Волге реке до Самары и до Саратова, где место приищут»<sup>10</sup>. Например, власти Троице-Сергиева монастыря сообщали в 1616 г. о том, что они «изстари ловили рыбу на Волге и на Каме от Казани и до Царицына острова»<sup>11</sup>. Только в конце XVI – начале XVII в., после возведения между Казанью и Астраханью ряда волжских городов-крепостей, началась более регулярная эксплуатация прилегающих к ним вод с четко определенными границами «ловель». Одним из первых предпринимателей в 1597 г. стал нижегородский Печерский монастырь: «Печерсково ж монастыря в Самарском городе, на реке на Волге, воды с верхние изголови Тушина острова до нижние изголови Шелехмецкие заводи, да Шелехмецкая заводь до нижнего устья Самары реки, с озерками вниз по Волге, по верхнюю изголови Васильчиковы воложки»<sup>12</sup>. Несколько позднее, в феврале 1606 г., Чудов монастырь получил от Лже-

дмитрия I жалованную грамоту на безоборочный, четко ограниченный территориально, промысел 30 связками рыбы «в Самарских водах... от Черного затона до устья реки Елань Иргиз»<sup>13</sup>.

К началу XVII в. развитие волжского рыболовства получило массовый характер. Об этом позволяют судить строки из грамот лета 1606 г. тому же Чудову монастырю: «по всей Волге рыбной ловле и всем ловцам приток большой»<sup>14</sup>, и Троице-Сергиеву монастырю: «и им тех вод дати невместно, потому что во всей Волге рыбной ловле и всем ловцом приток большой»<sup>15</sup>. Подавляющее большинство предпринимателей были русскими. Определенную группу среди них составляло и местное тюркское население. Вскоре после присоединения Казанского ханства «бортной ужожи и бобровые гоны и рыбные ловли за Камою рекою по Волге реке, на Нагайской стороне, по Самарской дороге, ниж Тетюш по Майне реке» от Майны до Красного Яра (ниже будущего Симбирска, а также по рекам Майне и Уреню), в вотчинное владение получил князь В. Асанов. Затем в 1597 г. все эти угодья перешли его сыну новокрещену Я.В. Асанову<sup>16</sup>. В Астрахани до середины 1570-х гг. отдельными рыболовецкими угодьями и учугами владели местные татары. Власти астраханского Троицкого монастыря в 1575 г. сообщали об «учужках, как бывали за прежними татары за Сен-Нашарком Амомековым, да за Янкурою Камбиевым»<sup>17</sup>. Характерно, что от более позднего периода таких сведений не сохранилось.

Подлинный расцвет рыболовецкое хозяйство Волжского Понизовья переживает после завершения Смуты, в XVII – начале XVIII в. Оно становится основной промысловой отраслью хозяйственного развития региона, по праву считаясь крупнейшим в стране и поставляя львиную долю рыбы, икры, клея, вязиги и жира на внутренний рынок России. По своей продуктивности оно значительно превосходило остальные промысловые центры страны – северный беломорский, белозерский и другие. Далеко не полные данные о размерах улова и видах добываемой рыбы на промыслах в последней четверти XVII – начале XVIII в. подтверждают мнение Б.Б. Кафенгауза и других исследователей о том, что на внутреннем рынке России главным поставщиком ценных сортов рыбы являлись промыслы астраханской дельты, а также Средней и Нижней Волги с Камою и Яиком<sup>18</sup>.

В промысловом освоении Поволжья участвовали представители различных категорий российского общества. Первое место в этом процессе занимало государство. Его особой роли способствовала специфика владельческих прав на промысловые угодья. Они отличались условностью, неустойчивостью и требовали постоянного подтверждения. Правовые нормы средневекового землепользования распространялись на «рыбные ловли» в весьма ограниченной степени, что придавало промысловой собственности, не говоря уж об оброчных водах, характер временного владения, во многом зависящего от воли центральных и местных учреждений. Законодательство XVI–XVII вв. не содержит сколько-нибудь разработанного правового кодекса, регулирующего правила пользования рыбными ловлями как объектом самостоятельного владения<sup>19</sup>. Тем не менее анализ содержания актов и делопроизводственных материалов позволяет предположить наличие единых правовых норм по этому виду владений<sup>20</sup>. Несомненно, что они подразумевали гораздо более активную, чем в землевладении, роль государства в регулировании владельческих отношений и изъятии части производимой продукции<sup>21</sup>.

Постоянной функцией местной администрации являлось распределение промысловых угодий, контроль за ними и сбор откупных платежей. Нередко местные власти вынуждены были организовывать собственные казенные предприятия или руководить родственными им дворцовыми. Провести грань между деятельностью казны и Дворца в эксплуатации природных богатств края крайне сложно. До середины XVII в. дворцовое ведомство либо закупало продукцию в Астрахани и Нижнем Новгороде, либо получало ее от местной администрации, собиравшей часть откупных платежей за оброчные угодья натурой<sup>22</sup>. Возникновение и дальнейшее развитие собственного, крупнейшего в стране, дворцового промыслового комплекса началось лишь с 1660-х гг. В его создании непосредственно участвовали как дворцовые, так и казенные учреждения, в частности при-

казы Тайных дел, Казанского дворца, местная администрация. Предприятия Дворца располагались едва ли не во всех промысловых районах Понизового Поволжья, но крупнейшие находились в астраханской дельте и низовьях Яика<sup>23</sup>.

Выдающуюся роль в освоении Понизового Поволжья сыграли Патриарший дом и монастыри центра страны. Но и они не смогли полностью преодолеть условности владения промысловыми угодьями, права на которые приходилось постоянно возобновлять, хотя сохраняли и даже усиливали позиции крупнейших предпринимателей в регионе на протяжении всего изучаемого периода, особенно во второй половине XVII в. (политика ограничений этого времени практически не затронула церковные владения). Патриаршие промыслы, возникнув в начале XVII в., по-настоящему крупными стали только во второй половине столетия. Их география была ограничена астраханской дельтой и угодьями, примыкающими к Самаре. Промысловая деятельность центральных монастырей началась уже во второй половине XVI в., охватив всю Волгу от Казани и почти до Астрахани, а также Каму. Но наибольший размах монастырское предпринимательство получило в XVII в. в сравнительно небольшом районе волжской акватории, примерно от Симбирска до Саратова.

В отличие от большинства светских предпринимателей, в деятельности церковных промышленников наиболее органично совмещался интерес как к промысловому, так и к аграрному освоению региона. Но каждая обитель шла к приобретению крупных земельных вотчин своим, порой очень сложным, путем. Наибольшие трудности пришлось преодолеть на этом пути властям «старых» промысловиков региона – Чудову и Новоспаскому монастырям. Заданная одним из исследователей истории Новодевичьего монастыря тема, как «воды превратились в покосы, леса и пашни»<sup>24</sup>, наиболее отчетливо проявила себя только в последние два десятилетия XVII в.<sup>25</sup> Однако уже в 1620-х – начале 1630-х гг. на правобережье Волги и Камы появились первые крупные земельные владения предпринимателей, занимавшихся промысловым рыболовством. Дворец, патриарший дом, центральные монастыри создавали в своих владениях многоотраслевое хозяйство. В таких крупных вотчинах наиболее отчетливо виден процесс воспроизводства крепостнических отношений, характерных для центральных районов страны. Представители местных епархий и монастырей, прежде всего казанских и астраханских, также относились к крупным предпринимателям Понизового Поволжья. Сфера деятельности астраханских церковных корпораций, как правило, была ограничена ближайшей округой, а полученную продукцию они реализовывали на местном рынке. Торговые интересы некоторых монастырей Казанского края нередко простирались до Астрахани и Нижнего Новгорода.

Привилегированное купечество, расцвет деятельности которого приходился на 1620–1650-е гг., в основном эксплуатировало наиболее продуктивные угодья Астраханского края и низовьев Яика, но его предприятия располагались по всей акватории Волги и Камы. В более поздний период купечество оказалось вытесненным из крупного понизового производства (прежде всего учужного). Сферой приложения его усилий остались подряды на перевозку продукции промыслов, хлеба, выполнение посреднических операций и т.д. Сравнительно небольшая группа гостей и членов гостинной сотни (Светешниковы, Шорины, Гурьевы, Никитников) смогла создать гигантские промысловые предприятия, по своим размерам сравнимые только со сменившим их дворцовым промысловым комплексом. Значимость и экономическое могущество этих людей основывались прежде всего на поддержке государства. Зачастую они выступали торгово-промышленными агентами правительства. Уникальными случаями комплексной колонизации новых территорий являлись предприятия Светешниковых на Самарской Луке и Гурьевых в устье Яика<sup>26</sup>. В деятельности по созданию каменного городка и учугов на Яике, их эксплуатации отчетливо проявляется теснейшая связь между государством и частным лицом, взаимное переплетение их интересов.

Близкими по размерам производства и его организации к предприятиям менее крупных представителей привилегированного купечества (гостиной и суконной сотен) были заведения жителей московских слобод. К ним же примыкали богатейшие

промышленники из верховых посадов, монастырских слобод и т.д. Массовость группы непривилегированных предпринимателей позволяла им сохранять за собой весьма серьезные позиции в промысловом хозяйстве Понизового Поволжья, в организации средних и мелких предприятий, транзитных перевозках и т.д. Среди них наиболее многочисленным было население местных городов. Формы такого предпринимательства могли быть самыми различными: от откупов до подрядов и найма в качестве рабочей силы. Для большинства посадских и приборных людей рыболовецкие промыслы являлись важнейшим источником доходов. Именно поэтому они смогли добиться прикрепления к городским округам примыкающих волжских вод. В подавляющем большинстве случаев размеры откупов и их продолжительность были невелики и, как правило, не превышали года. На них, как и на промыслы верховых непривилегированных предпринимателей, практически не распространялись таможенные и другие льготы.

Исследователи выделяют в Понизовом Поволжье более локальные рыболовецкие районы. К таковым, например, относят акваторию Нижней Волги и прежде всего астраханской дельты. В определении ее границ мнения расходятся. Сотрудники экспедиции Бэра начинают ее от Царицына. Другие, выделяя «Волго-Каспийский рыболовный район», ограничивают его Саратовом или Камышином. Нередко эти границы сужают до волжской дельты и северных вод Каспия<sup>27</sup>. Во всех приведенных рассуждениях есть рациональное зерно. Действительно, следует выделить в качестве особого района астраханскую дельту, низовья Яика и прилегающую к ним прибрежную полосу Каспийского моря, где рыболовство могло развиваться в совершенно иных условиях, чем на всей остальной территории Понизового Поволжья. Исходя из особенностей складывания рыболовецкой деятельности в Понизовом Поволжье во второй половине XVI – XVII в., богатства рыбными ресурсами, типов и размеров предприятий, категорий владельцев можно предложить следующее районирование: казанско-камский, симбирский, саратово-черноярский, астраханско-нижнеяицкий и яицкий промысловые районы. Оно весьма условно, но позволяет выявить определенные закономерности в развитии рыболовства всего региона.

Казанско-камский район (наряду с астраханским) принадлежал к наиболее ранним очагам формирования крупного промыслового предпринимательства в Понизовом Поволжье. Это была зона стабильного промыслового производства, где уже к началу XVII в. сформировались различные формы владения и собственности на рыболовные угодья. Здесь получили развитие сравнительно небольшие рыболовецкие предприятия. Организованное на большинстве из них производство имело целью создание, как правило, потребительской, а не товарной продукции. В середине 1660-х гг. южная часть вод, подведомственных казанским воеводам, была передана в распоряжение администрации недавно построенного Симбирска.

В самарском, в отличие от других районов волжской акватории, практически не получили сколько-нибудь заметного распространения дворцовые промыслы. Важнейшей тенденцией в его истории явилось последовательное формирование собственности на промысловые воды крупнейших монастырей центра страны. К концу XVII в. большая часть промысловых угодий оказалась распределенной между церковными корпорациями, создавшими здесь весьма значимые по размеру производственные комплексы по добыче, переработке, хранению и транспортировке выловленной рыбы. Мелкие местные предприниматели-крестьяне, посадские и приборные люди, непривилегированные предприниматели из верховых городов предпочитали брать на оброк угодья или наниматься к духовным владельцам.

Саратово-черноярский промысловый район, несомненно, обладал более значительными рыбными ресурсами, чем расположенные выше по течению самарский и симбирский. Но по типологии промысловых хозяйств, их размерам, товарности он оказался весьма близким к ним. Отличительная особенность его заключалась в более широком распространении дворцовых и казенных промыслов, управители которых нередко сдавали находившиеся в их распоряжении рыболовные угодья на откуп. Поэтому по

данному району отложилось гораздо больше записей в пошлинных книгах Печатного приказа, фиксировавших все откупные сделки<sup>28</sup>.

В астраханско-нижнеяицком районе преобладали учужные предприятия, хотя широкое распространение там получили неводные и другие промыслы. По своим производственным и товарным характеристикам, богатству природными ресурсами этот район занимал ведущее место в России. Именно отсюда в центральные районы России шла большая часть выловленной рыбы и изготовленной из нее продукции.

Уникальность яицкого промыслового района состояла в том, что местное казачество, не допускавшее сюда других промышленников, являлось единоличным коллективным владельцем промысловых угодий. По своим вкусовым качествам рыба, добываемая в этом районе, считалась лучшей и высоко ценилась в центральных районах страны<sup>29</sup>.

Промыслово-хозяйственная деятельность в Понизовом Поволжье в основном охватывала весенне-осенний период. Однако крупные, хорошо налаженные рыболовецкие предприятия юго-востока работали круглый год, который делился на несколько промысловых сезонов или путин. Интенсивность труда, в зависимости от промыслового сезона, могла резко меняться. Первая весенняя путина начиналась сразу же после вскрытия Волги и длилась примерно до середины мая, до весеннего половодья. Она приурочивалась к весеннему ходу рыбы на нерест и давала большую часть годового улова красной рыбы – осетров, белуг, севрюг и белорыбицы (белой семги) и т.д. Летнюю (с середины июля и до середины августа) и осеннюю (с середины августа до начала декабря) путини промысловики зачастую не разделяли и считали за одну. Зимой наступало время затишья: подо льдом ловили лосося, небольшое количество красной рыбы, белорыбицы и частика. Выделение по времени четырех путин в годовом промысловом цикле при некоторой неразделенности весенне-осенних путин характерно для волжского рыболовства на всем протяжении XVII–XVIII вв.<sup>30</sup>

Эксплуатация рыбных ресурсов Понизового Поволжья производилась через создание самых различных форм промысловых предприятий. Возможны несколько вариантов их классификации: по товарности, организации технологического процесса, использованию рабочей силы, типу собственности и т.д. Крупнейшими из них являлись учуги, сложившиеся в волжской и яицкой дельтах на протяжении второй половины XVI – XVII в. Важнейшее место в них занимали забойки, которые собственно и называли учугами. По-настоящему крупные забойки, к которым относились Большой Иванчуг, Басарга, Увара, Урустоба, Комызяк, Чурка, Малый Иванчуг, Бирюль, Бузан, Коклуй, учуги на Яике, имели протяженность от 300 до 600 м. К концу XVII в. общее количество забоек составляло более 20<sup>31</sup>. Примерно на половине из них промысел был особенно выгоден, поэтому они поддерживались в рабочем состоянии на протяжении всего рассматриваемого периода. Под категорией «предприятие» или «промысловый комплекс», на мой взгляд, следует подразумевать не единичный учуг или неводные ловли, а всю совокупность промысловых заведений, сосредоточенных в локальном районе и находящихся в руках одного владельца. С их помощью осуществлялся замкнутый технологический цикл по добыче, переработке, хранению и вывозу (или продаже на месте) рыбы, изготовлению или закупке необходимых материалов, соли, продуктов питания и т.д., ремонту сооружений и оборудования, обеспечению промысла рабочей силой<sup>32</sup>. Промысловый комплекс состоял из укрепленного городка с промысловыми и жилыми строениями, одной или нескольких забоек, расположенных рядом неводных, самоводных и других ловель, плота, на который принимали улов, целой флотилии судов и т.д. Нередко в него входили дворы в самой Астрахани, работничья слободка, располагавшаяся рядом с учугом или в городе, храмы, сады и огороды. Когда в руках одного предпринимателя оказывалось несколько крупных учугов, это требовало создания в Астрахани крупной перевалочной базы, складов и т.д. Стоимость такого производственного комплекса могла доходить до нескольких тысяч рублей. Только в астраханском промысловом районе стоимость дворцового промыслового хозяйства составляла более 3 тыс. руб.<sup>33</sup>

Технологический процесс добычи и переработки рыбы был разделен на ряд операций, каждую из которых возглавляли специалисты. Однако преобладала на промыслах неквалифицированная рабочая сила. На астраханских промыслах господствовал вольнонаемный труд. Расходную часть бюджета отдельного промысла, в основном, составляли затраты на рабочую силу, достигавшие 1200–1300 руб. Наиболее значимыми из них являлись денежные выплаты. Например, суммарная заработная плата, выдаваемая деньгами на патриарших промыслах в 1680–1690-х гг., составляла около 1 тыс. руб.<sup>34</sup> В течение XVII в. заработная плата неквалифицированных рабочих была стабильной, плата специалистам даже несколько снижалась. Затраты на строительные материалы, снасти, оборудование неизвестны.

Количество произведенной продукции в подобных заведениях оценивалось в денежном исчислении от 1 до 10 тыс. руб. Каждый год через технологический цикл единичного производства проходило несколько тысяч (до 10 тыс. и более) пудов рыбы. Общая доходная часть бюджета на крупнейших промыслах достигала 5–5.5 тыс. руб., а чистая прибыль доходила до 3 тыс. руб. и более. Рубль, вложенный в производство, давал не менее 2.5 руб.<sup>35</sup>. Но прибыль непосредственно на самом астраханском промысле не ощущалась, т.к. основная часть произведенной продукции отправлялась в Москву или на продажу в Нижний Новгород. Патриарший и, видимо, дворцовый промыслы в Астрахани не имели ни единого бюджета, ни единой администрации и не были сколько-нибудь самостоятельны от метрополии в финансовой сфере. Доходы гостей, членов гостинной сотни от эксплуатации ими крупнейших астраханских учугов были ничуть не меньше. В пользу этого свидетельствуют суммы откупных платежей, достигавшие 2–3 тыс. руб. в год за 1 учуг.

Большинство учужных предприятий астраханско-нижнеяицкого промыслового района были крупнейшими в своей отрасли для всей территории России. Размеры производства на них, характер использования и квалификация рабочей силы, другие показатели позволяют увидеть в каждом из таких предприятий черты мануфактуры.

Учужные предприятия можно назвать своеобразными центрами, вокруг которых складывалась сеть постоянных поселений. Исследователи иногда используют термин «дельтовая цивилизация», который нередко употребляется для обозначения массовых зимовий кочевников в дельтах крупных рек, где были большие запасы подножного корма для скота. В некоторой степени это понятие можно применить для обозначения совокупности промысловых предприятий, сложившихся в астраханской дельте.

Развивавшееся в течение полутора столетий рыболовческое предпринимательство за пределами волжской и яйцкой дельт в основном проявлялось в форме мелких и средних предприятий, во множестве возникавших на берегах Волги, Камы, Урала (Яика) и их притоков. Центрами управления и хозяйственной жизни таких промысловых предприятий являлись рыбные дворы. Если ватажский промысел практически не менялся на протяжении всего изучаемого периода, то рыбные дворы прошли серьезную эволюцию. Наиболее обыденным для конца XVII – XVIII в. являлся тип временного стана, состоявшего из легких построек, шалашей, рассчитанных не более чем на 1 сезон. Его строили в начале промыслового сезона в укромных, насколько возможно, безопасных местах волжского побережья, на островах. Нередко эти станы становились объектом грабежа не только со стороны кочевников или вольных казаков, но и местных гарнизонов. Подобные временные постройки вынуждены были устраивать как мелкие и средние, так и богатейшие промышленники страны. Посланный на «оханном струге» весной 1666 г. казанец С. Петров построил на волжском острове, напротив устья р. Черемшан, государев стан «для рыбного промыслу и соленья». Основными сооружениями стана были лубяной амбар 5 на 3 сажень, где находились «корень для рыбного соленья, ...корыто для тузюку, ...три солила», и крытый лубом плот<sup>36</sup>. Власти Чудова монастыря сообщали в 1671/72 г.: «И на том же Сосновском острове, где Сосновской затон, чудовская ватага и весь ватажской завод»<sup>37</sup>. Так как подобные сооружения, как правило, строили на низком пойменном берегу, весной они затапливались полыми водами, сносились и практически полностью разрушались<sup>38</sup>. На таких станах возможна

была только первичная обработка улова. В последние десятилетия XVII в. привилегированные промышленники смогли создать действительно крупные, со значительным количеством производственных и жилых помещений, промыслово-перерабатывающие центры – дворы. Стоимость сооружений рыбного двора составляла до 100–120 руб.<sup>39</sup> В этом отношении волжские и камские рыбные дворы значительно уступали учужным городкам нижней Волги и Яика. Дворы в близлежащих городах являлись базами для удаленных промыслов, в них хранили припасы и оборудование, жил постоянный персонал, производилась перевалка переработанного улова и т.д. Таким образом, речь идет о своеобразном промысловом освоении прибрежной части речной акватории Понизового Поволжья.

Так складывался комплекс, состоящий из ватаг, прибрежных станов – рыбных дворов и дворов в приволжских городах. Такая технологическая цепочка являлась наиболее естественной для подавляющего большинства богатых волжских предпринимателей. Разделение труда на промыслах в целом соответствовало этим стадиям. Для выполнения каждой из них существовала своя специализированная группа работников. На мелких промыслах все операции выполняли одни и те же люди. Рассматривая использование рабочей силы, занятой при добыче и обработке рыбы, вряд ли можно говорить об устойчивом разделении труда, о четком выделении отдельных операций, о наличии значительных групп профессионалов-руководителей и квалифицированных исполнителей отдельных операций. К последним можно отнести только неводчиков, ватажских разделяльщиков и, в какой-то мере, пятчиков. По преимуществу же на промыслах работали малоквалифицированные наемные люди. Можно предположить, что число одновременно занятых на крупном волжском предприятии в весенне-осенний период достигало 100 и более человек. При добыче рыбы применялось несколько способов организации рабочей силы: подряд, найм неводных рабочих и т.д. Основным способом добычи рыбы был подрядный, причем в каждом предприятии использовались различные варианты его применения. Разница в закупочных и рыночных ценах в 2–2.5 раза позволяла предпринимателям получать весьма значительный доход<sup>40</sup>. В рассматриваемом районе заработная плата неквалифицированных рабочих была гораздо ниже, чем на промыслах астраханской дельты. Среди квалифицированных работников только неводчики получали примерно столько же, сколько на волжских учугах.

На предприятиях Понизового Поволжья использовалась, как правило, вольнонаемная рабочая сила. Лишь сравнительно немногочисленная группа квалифицированных работников формировалась из зависимых людей. В хозяйствах предпринимателей, которые имели рядом с промыслами населенные вотчины (гость Н. Светешников; Савво-Сторожевский, Новодевичий, Чудов, Новоспасский и другие монастыри, патриаршее и дворцовое ведомства), вольнонаемный труд постепенно заменялся принудительным оплачиваемым трудом зависимого населения<sup>41</sup>. По своим показателям рыболовецкие промыслы являлись рентабельными доходными предприятиями. Один вложенный в них рубль давал более 1.5–2 руб. прибыли<sup>42</sup>. Специфика крупных монастырских рыболовецких предприятий заключалась в том, что при весьма значительном размахе производства, главной его задачей являлась поставка потребительских ценностей в метрополию. Постоянная связь с рынком, продажа крупных партий рыбы и «рыбных продуктов» служили, в первую очередь, для получения денежных средств, необходимых для возобновления процесса производства, но, как правило, не расширения его. Развитие промыслового хозяйства шло не в сторону узкой специализации, увеличения товарности, а к созданию дополнительных сельскохозяйственных отраслей, необходимых для полного самообеспечения промысла, независимости его от рынка, как это было, например, в приволжских владениях звенигородского Савво-Сторожевского монастыря. Это же относится и к дворцовому ведомству. Действительно товарными являлись рыболовецкие промыслы привилегированного купечества.

Крупное рыболовецкое предприятие, каковым его можно представить по материалам конца XVII – начала XVIII в., было чрезвычайно выгодным (имело совокупный доход от 1 до 4.5 тыс. руб.<sup>43</sup>). Несмотря на издержки при транспортировке рыбы, продажа

продукции понизовых предприятий позволяла получать значительную прибыль. В начале XVIII в. только крупнейшие монастырские предприятия – Савво-Сторожевского, Новодевичьего, Чудова, Новопасского, Высокопетровского и московского Вознесенского монастырей – производили рыбы и припасов примерно на 10–12 тыс. руб. (по московским и нижегородским ценам того времени). Чистая прибыль составляла около 5 тыс. руб. Эти показатели были выше, чем на рыболовецких предприятиях Поморья, и вполне сопоставимы с неводными промыслами астраханского Поволжья, но значительно уступали астраханским и яицким учужным предприятиям<sup>44</sup>. Уровень развития производительных сил, организации труда, размеры отдельных предприятий на территории края были значительно выше, чем в целом по стране (за исключением астраханско-нижнеяицкого района). Они отражали процесс возникновения в XVII в. ведущих промысловых добывающих центров, региональной специализации. По всем этим признакам рыбные промыслы можно отнести к крупной кооперации со сравнительно слабо развитым разделением труда. Большинство крупнейших предпринимателей изучаемого региона имели рыболовецкие промыслы и в других районах страны, прежде всего в Поморье. Но именно Понизовое Поволжье являлось главным поставщиком товарной и потребительской продукции в рыболовецком хозяйстве крупнейших корпоративных предпринимателей страны. Рассматривая наиболее значимые промысловые комплексы всего юго-востока Европейской России, особенности социальных, экономических и технологических отношений, возникающих в результате их деятельности, следует согласиться с Л.В. Миловым, считавшим, что в это время в российском производстве складываются только «неадекватные формы капитала», которые «не обладали качественной определенностью... Sporадическое появление их в толще феодальной системы производственных отношений не сказывается сколько-нибудь существенно на развитии старого способа производства; они, так сказать, уживаются с ним»<sup>45</sup>.

Промысловое рыболовство являлось структурообразующей отраслью экономики для Понизового Поволжья. В нем, в разной степени, было занято большинство постоянного и временного населения территории региона, лежащей вне зоны земледельческого расселения. Развитие этой отрасли, транзита ее продукции сыграло огромную роль в складывании единого промыслового, торгового и, в определенной степени, социально-политического пространства юго-востока европейской части страны, постепенного превращения его во «внутреннюю окраину» Российского государства.

## Примечания

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Степанов И.В.* Промысла и промысловые работные люди на Нижнем Поволжье в XVII веке. Л., 1939; *он же.* Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке // Ленинградский государственный университет. Ученые записки. Серия исторических наук. № 48. Вып. 5. Л., 1939. С. 80–142; *он же.* Работные люди Поволжья в XVII в. (к вопросу о характере найма) // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 90–109; *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 2. М., 1954; *Голикова Н.Б.* Очерки по истории населения городов Нижнего Поволжья в конце XVII – 1 четверти XVIII вв. М., 1970; *она же.* Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М., 1965; *Ермолаева Л.К.* Торговые связи Астрахани в XVII – первой четверти XVIII века. Л., 1982; *она же.* Роль астраханской торговли в экономике России XVII в. // Историографический сборник. Вып. 6(9). Саратов, 1981. С. 77–88; *она же.* Крупное купечество России в XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам астраханской торговли) // Исторические записки. Вып. 114. М., 1986. С. 303–325. В последние годы попытку комплексного исследования развития промыслового рыболовства на юго-востоке Европейской России предпринимает автор этой статьи.

<sup>2</sup> Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 4. СПб., 1861. С. 1. В более осторожной форме, на столетие раньше, об этом же писал П.С. Паллас. См.: *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773. С. 199.

<sup>3</sup> *Дубман Э.Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999. С. 5–6.

<sup>4</sup> Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 2. СПб., 1860. С. 21.

<sup>5</sup> *Паллас П.С.* Указ. соч. Ч. 1; *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1763 и 1769 годах. Ч. 1. СПб., 1775; *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. Часть вторая. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб., 1777; Описание Колы и Астрахани. Из сочинений академика Николая Озерецковского. СПб., 1804.

<sup>6</sup> Казанская история. М.; Л., 1954. С. 66.

<sup>7</sup> *Штылько А.Н.* Астраханская торговля в старину // Исторические очерки. Астрахань, 1909. С. 9.

<sup>8</sup> *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 91–92.

<sup>9</sup> Подробнее см.: *Пруссак А.* Положение рабочих на рыбных промыслах Астрахани в XVII веке // Исторический сборник. Л., 1934; *Степанов И.В.* Хозяйственная деятельность Московского правительства...

<sup>10</sup> *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI – XVII вв.: Хронологический перечень документов. Казань, 1980. № 471. С. 74.

<sup>11</sup> РГАДА, ф. 281, д. 10838, л. 1–2.

<sup>12</sup> *Каптерев Л.М.* Нижегородское Поволжье X–XVI веков. Горький, 1939. С. 161–162.

<sup>13</sup> *Зерцалов А.Н.* Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. Симбирск, 1900. С. 3–5.

<sup>14</sup> РГАДА, ф. 281, д. 11526, л. 1.

<sup>15</sup> Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 10.

<sup>16</sup> Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.). Тексты и комментарии. Казань, 1990. С. 51–52.

<sup>17</sup> Рукописный отдел Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника, КП 41422/5, л. 9; *Савинский И.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903. С. 17; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841. № 193. С. 357.

<sup>18</sup> *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004. С. 40–47, 252–257; *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. (По материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 147–149, 190, 203–206; *Тверская Д.И.* Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С. 81–82.

<sup>19</sup> *Вишняков В.И.* Рыболовство и законодательство. СПб., 1884. С. 436–441.

<sup>20</sup> Наиболее полно они нашли свое отражение в законодательных актах начала XVIII в. об «оброчных статьях». См.: ПСЗ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 1956, 2007. С. 276–278.

<sup>21</sup> *Дубман Э.Л.* Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 13–22.

<sup>22</sup> Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 6. СПб., 1872. № 60. С. 243; *Кунцевич Г.З.* Грамоты Казанского Зилантова монастыря. Казань, 1901. С. 19–25; РГАДА, ф. 281, д. 11536, л. 2; *Зерцалов А.Н.* Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы) 1665–1667 гг. Симбирск, 1896. С. 135; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 231, № 1910, л. 157–157 об.

<sup>23</sup> РГАДА, ф. 281, д. 6099, л. 108–109; *Степанов И.В.* Хозяйственная деятельность Московского правительства... С. 126.

<sup>24</sup> Архив Музея Ново-Девичьего монастыря, д. 145, л. 4–5.

<sup>25</sup> *Дубман Э.Л.* Хозяйственное освоение... С. 18–22.

<sup>26</sup> *Бахрушин С.В.* Указ. соч.; *Дариенко В.Н.* Классовая борьба на Яике в XVII – начале XVIII вв. М., 1966; *он же.* Основание города Гурьева // Вопросы истории. Сборник статей. Вып. V. Алма-Ата, 1973.

<sup>27</sup> *Струбалина Н.* Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград, 1989. С. 3.

<sup>28</sup> *Герасимов А.А.* Самара и Самарский уезд XVII в. (По записным книгам Печатного Приказа) // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН, ф. 38, оп. 1, д. 72, л. 76; Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2. Самара, 2006. С. 218–224.

<sup>29</sup> Подробнее см.: *Дубман Э.Л.* Промысловое рыболовство и освоение юго-востока Европейской России в конце XVI – XVII вв. // *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Указ. соч. С. 20–31.

<sup>30</sup> РГАДА, ф. 125, оп. 1, д. 35 (1684 г.), л. 30–31, 70, 104 и др.; *Паллас П.С.* Указ. соч.; *Лепехин И.И.* Указ. соч.; Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 2. СПб., 1860.

<sup>31</sup> РГАДА, ф. 26, оп. 2, д. 55, ч. 1, л. 25–26, 322 об., 353; ч. 2, л. 28 об.; *Степанов И.В.* Хозяйственная деятельность Московского правительства... С. 126.

<sup>32</sup> *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Указ. соч. С. 74–84.

<sup>33</sup> РГАДА, ф. 26, оп. 2, д. 55, ч. 1, л. 4 об.–11 об., 23–26, 98 об.

<sup>34</sup> Там же, ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 3.

<sup>35</sup> Там же, ф. 26, оп. 1, д. 12, л. 264–267 об.; ф. 235, оп. 2, д. 84; ф. 237, оп. 1, ч. 1, д. 3, л. 195–202 об., 426–234.

<sup>36</sup> *Зерцалов А.Н.* Указ. соч. С. 138.

<sup>37</sup> Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 20. Саратов, 1896. С. 214–215.

<sup>38</sup> РГАДА, ф. 281, д. 11528, л. 5.

<sup>39</sup> Там же, ф. 26, оп. 2, д. 54, ч. 9, л. 20–31; *Дубман Э.Л., Кабытов Л.С., Тагирова Н.Ф.* Указ. соч. С. 54.

<sup>40</sup> РГАДА, ф. 125, оп. 1, д. 29 (1683 г.), л. 1–8; д. 35 (1684 г.), л. 1–144; ф. 159, оп. 1, д. 59 (1692–1694 гг.), л. 1–19; ф. 11, д. 70, л. 20–31; ф. 26, д. 54, ч. 9, л. 74 об.–75, 84, 89–91.

<sup>41</sup> Там же, ф. 281, д. 11562.

<sup>42</sup> Там же, ф. 125, оп. 1, д. 35 (1684 г.), л. 1–144; ф. 11, д. 70, л. 74 об.–75, 84 об., 89–91; ф. 26, оп. 1, д. 54, ч. 9, л. 20–31; оп. 2, д. 58, л. 118, 290–291.

<sup>43</sup> Там же, ф. 11, д. 70, л. 74 об.–75, 84 об., 89–91; ф. 26, оп. 1, д. 54, ч. 9, л. 20–31; оп. 2, д. 58, л. 118, 290–291; *Герасимов А.А.* Указ. соч. С. 230; *Бахрушин С.В.* Указ. соч.; *Дубман Э.Л.* Надинское Усолье // Самарский земский сборник. Самара, 1995; он же. Хозяйственное освоение... С. 41–51.

<sup>44</sup> Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 242–243; *Борисов А.М.* Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII веках. Петрозаводск, 1966. С. 170–171; *Степанов И.В.* Хозяйственная деятельность Московского правительства... С. 116–121.

<sup>45</sup> *Милов Л.В.* Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 486.

© 2012 г. О. В. СЕМЕНОВ \*

## СИСТЕМА ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ «СУДОВОЕ ДЕЛО» В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

Система профессиональной ямской гоньбы зародилась в Сибири в конце XVI в. Она сыграла важную роль в деле утверждения русских позиций в крае, его освоении и дальнейшем развитии. Именно на ямщиков в рамках своих и близлежащих уездов приходился основной объем водных перевозок, следовавших по казенной необходимости людей и грузов<sup>1</sup>. Они были причастны и к государственному «судовому делу»<sup>2</sup>. В научной литературе эта сторона деятельности насельников сибирских ямов до сих пор не получила сколько-нибудь целостного освещения. Между тем она оказывала непосредственное влияние на качество отправляемых ими функций.

На протяжении всего XVII в. основными путями сообщения в Сибири оставались водные магистрали<sup>3</sup>. Это способствовало интенсивному развитию казенного и частного судостроения. Так, на территории Верхотурского уезда, являвшегося одним из крупнейших центров речного и морского «судового дела» в крае, лодки, струги, каюки,

\* Семенов Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.